

Игорь Шестков "Из записной книжки"

В СЕВЕРНОЙ КАЛИФОРНИИ

Скалы на берегу.

Разрушение...

Выветривание.

Казнь водой. Светом. Теплом. Солью.

Растрескивание.

Выперли страшные тектонические силы когда-то упрямую гору из земли. А потом миллионы лет ветер, вода и малые жизни ее разрушали, растирали в порошок, превращали в отложение.

Вселенная дробится, дробится...

А потом... материка засасывают всю эту дробь в огненное чрево матери Геи, в плавильный котел ядра...

Земля тужится, выпирает наверх свои внутренности...

Лава застывает скалами и опять начинает дробиться.

Геологическая круговерть мироздания.

Сколько законов природы задействовано!

Сколько энергий!

Какие драмы и трагедии!

Какие величественные картины.

Толчение воды в ступе.

Грандиозная бессмыслица.

Мелкие камешки на пляже – старые друзья.

Нет ничего вас милее...

Лестная метафора для когтистого человечества.

Резные камни Калифорнии.

Кто резчик?

Кто плавит и пузырит недобрые тяжести?

Слепоглухонемая сука-природа.

Тяжести, тяжести...

Ребра, массы, кристаллы, структуры, текстуры.

Свидетели чудовищных сил, чудовищных процессов...

Страницы книги хаоса...

Листай эту книжку с картинками, смотри, любуйся на чудеса, пока и тебя не раздавят, не размелят в пыль безжалостные жернова.

Сколько раз, стоя на берегу океана, я смотрел на волны и слышал его рев, грохот, свист, его утробное урчание.

Безумное курлыканье (пролетали журавли).

Голубые скалы.

Голубые они – только когда их океан прозрачной водичкой сполоснет.

А когда отлив – они серые.

Так и мы.

Плавник на пляже.

Забавные картинки. Театр легких палочек.

Ветер тоже участвует в представлении.

И солнце.

После прилива все тут будет по-другому.

Кто мы такие?

Нет, не плавник.

Тени на песке.

На пляже.

Вода. Песок. Свет.

Вот она, сокровенная суть мира.

Святая святых.

Под ногами.

Сколько ни творили муры и бранкузи, лучше этого им не создать.

И трудиться не надо.

Комаров смешить.

Коттедж на берегу в поселке Сии-Рэнч.

Там много прекрасных деревянных домов. Сотни.

Некоторые – архитектурные шедевры.

В одном из таких коттеджей мы жили в мае 2007-о года.

Моя мама, мой отчим, сестра с сынком и я.

Я бродил по окрестностям, часами смотрел на волны. Нюхал свежий солоноватый ветер.

Снимал, снимал...

Потом камеру спрятал. Не берет камера Тихий океан.

На берегу.

Ни черта я не понимаю ни в ботанике, ни в биологии.

Ни в чем.

Но, когда на душе тяжело, знаю, ничего лучше нет, чем на лютики-цветочки посмотреть.

Вот я так сидел на теплой калифорнийской земле и глядел на цветы.

И забывал, что есть душа.

Хотел быть и был, как они.

Больше и не надо...

В нескольких метрах от соленой воды.

Экибана.

Смотрел, пока муравьи не стали задницу кусать.

В Форт-Россе.

Как же повезло Америке, что русские отсюда убрались!

Испоганили бы все.

Какая-то есть в русаках невыносимая безнадежная заторможенность. Упертость.

Особенно ярко проявившаяся в последнем царе.

Ему говорили-говорили, убеждали-убеждали, все как о стенку горох.

Все пересидел, а потом, вместе с семьей – в подвальчик... жалко смертельно детишек.

Но поделом. По делам папки.

Тихий океан.

На другой стороне – оставленная Родина, Япония, Китай...

Другая сторона земной чашки.

Вода, вода...

Откуда на Земле столько воды?

Ученые говорят, кометы занесли.

И даже не улыбаются.

Трудно признаться в том, что даже этого не знают.

Небольшая волна – чуть выше двух метров – может запросто сломать купальщику или серфингисту хребет. Поэтому и купание и серфинг на этом пляже запрещены.

Я влез в воду.

Очень хотелось рассказать всем, что купался в Тихом Океане.

Вода была градусов шесть-восемь.

Три раза окунулся, потом выскочил и еле отогрелся на солнышке.

Купался я, купался, только не на этом пляже, а в защищенной от волн бухточке.

Вокруг меня валялись грудями кусочки изумрудных раковин...

В ДЕНАЛИ

Дорога в национальный парк Денали перекрыта.

Почему?

Загадка мироздания.

Залетевшая из глубин галактики черная дыра?

Десант марсиан?

Оленьи стада?

Может быть – элементарно – пробка из-за слишком интенсивного движения?

Ну да, конечно, пробка... на пути из Фэрбенкса в Денали мы повстречали машин десять.

А может и пять.

Позади нас стоял ФОРД.

Люблю старинные машины, не позже семидесятых. Что-то в них есть настоящее.

А современные – как и кино и искусство и музыка и литература – мыло!

Как-то все замылилось.

Прокисло.

Потеряло смысл и формат.

Мы не заметили, что потеряли что-то важное.

Потеряли. Выронили. Или проворонили!

Самое важное.

И покатали налегке по мыльной колее....

Фотографирую из машины. Ведет ее мой отчим. Мы едем на юг.

Дороги в Аляске хороши. Вроде, губернатор постарался. Содрал с материка немерянную деньгу. Но не украл, а дороги построил.

Камни, река, лес, горы.

Что еще надо?

Горячую ванну.

Я уже начал дрожать от холода.

Поехал в Денали в коротких штанах!

Еще одна гора.

Не семитысячник, конечно, но мощь так и прет от тектоники.

На фотографии – мощь не чувствуется. А рядом с этим громадой – давило каменной силой грудь.

Аляска. Просторы, не загаженные большевиками.

Рай для зверей и фотографов.

Где же ты, большая ледяная гора?

Елочки стоят стройные, как девушки.

Горы лежат тяжело и накатывают на равнину, и скатываются в нее.

Где ты, гордый белый патриарх?

Там, за этим хребтом, должна была открыться великая белоснежная, как Моби Дик, гора Мак-Кинли, названная так в честь двадцать пятого президента США Уильяма Маккинли, республиканца, убитого анархистом.

Но не открылась!

Или облака помешали, или неизвестные нам высшие силы похитили гору нам на зло.

А потом, когда мы покинули парк, возвратили на место...

Хитрецы!

Рильке писал: «Деревья складками коры мне говорят об ураганах...»

Эти камни говорят о таких катастрофах, по сравнению с которыми все ураганы – тритатушки-тритата...

По ущелью речка течет.

В ней можно и золотишко намыть.

Если властей не бояться.

Мы – боялись.

И хищно намывали на сетчатки глаз только зелень леса да лазурь неба...

На Аляске цветочки – редкость. Потому так хороши, синенькие стервочки.

Камень с ржавчиной.

Руда?

Железо?

Бактерии?

Тяжесть.

Потрогал его с удовольствием.

Камень – брат.

Пока не раздавил.

Треснула тяжеленная щербатая глыба.

Или кто хрястнул ее промеж ушей.

Или сама разорвалась – как кулебяка – от внутренних напряжений.

И ее приятно потрогать – на солнце нагрелась каменная плоть.

Был бы я огромным котом – грыз бы камни и ел бы землю, пока все не сожрал.

Хорошо на речке!

Только прохладно. Палец сунул в реку, как грека.

Палец тут же заныл, застыл, как будто я его в жидкий кислород опустил.

Господин Мак-Кинли, где твоя белоснежная шуба?

Холодные камни на берегу холодной речушки.

Видели они когда-нибудь гору Мак-Кинли?

Нет.

Так и мы проживаем всю нашу глупую серую жизнь, а главной красоты мира и не замечаем.

А ведь мы ее часть.

Речка.

Вода – как жидкий нефрит.

Очень холодный нефрит.

Каменное лоно.

Его прочертил гигантским ногтем великан Мак-Кинли.

Прочертил и спрятался от нас за близлежащим хребтом.

Сидит там и на флейте играет.

Закутался в метель.

Никого и знать не хочет.

Скала.

Как кусок зуба во рту старухи-ведьмачки.

Метров двадцать.

Смельчаки залезают, позируют.

Кто-то наверно и прыгнул.

Притягивает.

Ищем гору Мак-Кинли.

Машину оставили недалеко от главной конторы парка. Там туристы и хотдоги.

Пошли пешком.

Куда глаза глядят.

Небо очистилось от облаков.

Гору не видно.

Воздух холодный, вот-вот снег пойдет.

Дышать легко.

Скала.

Гора Мак-Кинли похожа на эту скалу.

Только в тысячу раз больше.

И в миллиард раз тяжелее.

И в одежде из льда и снега.

Камень и малая жизнь на нем.

И крохотные вирусы в тамошней академии наук обсуждают, что находится за пределами их вселенной, за камнем...

Выдвигают гипотезы, строят модели...

Защищают диссертации...

Как же эту каменюку корежило!

Какие силы!

Есть изначальная бессмыслица во всех потрясающих природных процессах.

В движениях материков.

В полете планет вокруг звезд.

В столкновении галактик.

В существовании великой горы Мак-Кинли.

Кому все это надо?

Только туристам.

Долина километров в тридцать шириной.

Широка долина, а подошва горы Мак-Кинли – еще больше.

Где ты, снежный медведь Аляски?

Почему прячешься от моих линз?

Елки издалека смахивают на кипарисы.

Но Мак-Кинли не похож на Ай-Петри.

Едем обратно.

Великую гору Мак-Кинли мы так и не нашли, отчего она в наших душах еще больше выросла и потяжелела.

И стала еще прекраснее.

Потому что мы можем ценить и любить только то, что не имеем.

Восторгаться и благоговеть только перед тем, что никогда не видели или навсегда потеряли.

Прощай, Денали.

До свидания, Мак-Кинли.

Провались в тартарары, о возлюбленная гора.

Увидимся в конце времен.

Соединимся – вместе со всей вселенной – в точке схода-коллапса.

Адье!

Сделали привал.

Посмотрели в лавке-вигваме сувениры – под индейцев.

И тронулись в путь.

На север, в Фэрбенкс, где мама сварила для нас гречневую кашу.

НА РЕКЕ ТАНАНЕ

Осень на Аляске.

Начало сентября.

Хоть похоже на Россию – только – слава Богу – не Россия.

Перед приходом зимы – природа тут застывает. Засыпает, как медведь. Перед сном хочется подумать и поговорить о вечности. О беспредельности. О мире без нас.

О покое.

Об уходе без бессмысленных укоризн.

Прах – в прах.

Свет – в свет.

Вода – в воду.

Деревянная колонна. Ястреб. Волк. Медведь. Змей.

Объяснили аборигены – это не идол, а рассказ в лицах.

В масках.

Путешествие по реке Танане мы начали с посещения ресторана и сувенирной лавки.

Из лавки было хорошо виден наш колесный корабль, который слишком красив и велик, чтобы его фотографировать.

А раньше по Танане возил туристов маленький кораблик.

Плывем. Смотрим на окрестности. Хорошо.

Лес успокаивает. Елочки лечат хвойным запахом.

Склон горы умиротворяет. Одним своим склонением.

Что-то было и сошло постепенно на нет...

Остался только прочерченный в пространстве невидимым пальцем уход.

Примирение.

Забвение.

Мир тебе, река.

Слева, на обрыве, – вилла местного судьи...

У судьи губа не дура...

Можно порыбачить.

Можно и о вечности подумать.

И о пожизненных сроках для убийц.

Странно то, что и в этом холодном крае есть преступность.

Казалось бы, людей тут мало – надо и можно любить друг друга.

Помогать...

Терпеть...

Нет. Люди и тут, перед воротами ледяной вечности, завидуют, оскорбляют, воруют, ревнуют, дерутся, убивают.

Хорошо, что есть полиция и судья.

Там, на вилле, над обрывом.

Танана – приток знаменитого Юкона. Мощная величественная река.

Течет параллельно несколькими руслами, переплетающимися, расходящимися, сливающимися. Коварная, опасная, холодная река.

Отмели ее часто превращаются в зыбучие пески.

Вечная мерзлота не позволяет корням деревьев уходить глубоко в землю.

Елочки на Аляске худенькие, жиденькие. Чуть что – падают.

Как первоклассницы на коньках.

Нас водили в хижину индейца.

Шкуры и черепа.

Медведей жалко.

Каждый год в Америке убивают не то 40 000, не то 20 000 медведей.

Охотники.

Мрази.

Жалко и лося.

Выглядит лосиный череп с рогами – монументально.

Как будто кошмарный марсианин раскрыл свою жуткую пасть.

На горизонте – вершины Аляскинского хребта.

Бирюзовый мир.

Мне хорошо на Аляске.

Не только потому, что повидал маму, отчима и поглядел на удивительную природу.

Люблю просторы.

Я – старый летун, люблю летать в голубом поднебесье и смотреть на Землю.

Самолеты терпеть не могу – они вонючки. В них душно.

А тут, на просторе, можно подышать..

Тут понимаешь, как мелка и суетна жизнь.

Мышиная беготня, амбиции, эгоomania.

Горы на горизонте.

До них от Фэрбенкса километров семьдесят.

Выходишь из дома – и перво-наперво бросаешь взгляд на горы.

Хорошо ли видны?

Порозовели?

Везде ли снег лежит?

Аляска.

Ясность.

Одиночество.

Танана.

Хочу побыть пару миллионов лет горой в Аляскинском хребте.

Видеть только небо и елки.

Возвращаемся в Фэрбенкс.

Наглотались свежего воздуха.

Насытились пространством.

Напились голубизны вечности.

Мой отчим-профессор – в университет.
А я с мамой побеседую за жизнь.
Поговорим об оставленной много лет назад Москве.
Очень хочется горячего кофейку попить.
Со сливками и черным шоколадом.

Озеро недалеко от аляскинского университета.
Лучше всего об озере написал Торо.
Почитайте, не ленитесь, «Уолден или жизнь в лесу».
После поганой русской литературы – как глоток свежего воздуха.

Озеро.
Так и тянет в воду.
Вспоминали с мамой чудесные озера Эстонии.
Отепя.
Отдыхали там от страшной Москвы.
Хорошо, что этот народ оторвался от России.
Может, проживет спокойно несколько десятилетий.
Пока новая заварушка не началась.
Пока Россия опять не раздавит Эстонию своим свинцовым задом.

Озеро.
Решил все-таки влезть, хоть поколено.
Попробовал воду – лед.
А дно – черная грязюка.
Засосет с концами.
Отошел.
Красоту лучше со стороны наблюдать.
Как женщину.